

М. Г. Скорб

Белорусский государственный университет, Минск

M. Skorb

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.8:321(436.7+47.07:497.1)

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИЗАЦИИ СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ (1868–1873 ГГ.)

THE PROBLEM OF THE SOVEREIGNIZATION OF THE SERBIAN PRINCIPALITY IN THE POLITICS OF RUSSIA AND AUSTRIA-HUNGARY (1868–1873)

В статье на основе дипломатической переписки и мемуарной литературы проанализировано отношение России и Австро-Венгрии к процессу суверенизации Сербского княжества после убийства князя Михаила и до заключения Союза трех императоров. Определены события и явления, составлявшие стержень процесса суверенизации, показано отношение держав к ним. В заключении сделан вывод о влиянии политики России и Австро-Венгрии на ход процесса суверенизации.

Ключевые слова: Сербское княжество; Россия; Австро-Венгрия; Конституция 1869 г.

The article analyzes the attitude of Russia and Austria-Hungary to the process of sovereignization of the Serbian principality after the assassination of Prince Michael and before the conclusion of the Union of the Three Emperors on the basis of diplomatic correspondence and memoirs. The events and phenomena that formed the core of the process of sovereignization are identified, and the attitude of the powers to them is shown. In conclusion, the author draws a conclusion about the influence of the policy of Russia and Austria-Hungary on the course of the process of sovereignization.

Keywords: Serbian Principality; Russia; Austria-Hungary; Constitution of 1869.

29 мая 1868 г. в белградском парке Топчидер произошло событие, которое в очередной раз перевернуло с ног на голову всю политическую действительность не только в Сербии, но и на Балканах в целом. Этим событием стало убийство братьями Павлом и Костой Радовановичами правящего сербского князя Михаила Обреновича III. Убийство князя поставило перед сербским правительством целый ряд задач как во внутренней, так и во внешней политике, большинство из которых требовали немедленного решения. Особо обострились вопросы государственного строительства, поскольку они были тесно связаны с курсом на суверенизацию Сербского княжества, взятым в конце 50-х гг. XIX в. предшественником князя Михаила – Милошем Обреновичем. К тому же сколько-нибудь существенные изменения государственного устройства Сербского княжества не могли остаться не замеченными ве-

ликими державами, как гарантами автономного статуса Сербии в Османской империи. Среди ведущих европейских государств наибольшее влияние на процессы реформирования государственного устройства и суверенизации княжества оказывали Россия и Австрия, как государства наиболее близкие и имевшие в Сербии свои собственные интересы.

Убийство князя в первую очередь поставило вопрос о престолонаследии, поскольку законных наследников у Михаила Обреновича не было. Согласно действующему законодательству, нового князя должна была назначить Порты. Однако для сербских элит такое вмешательство османских властей, означало бы значительное усиление Порты в Сербии, огромным шагом назад в деле суверенизации княжества. К тому же сам Михаил Обренович оставил завещание, в котором назначал приемником своего внучатого племянника Милана Обреновича. В исполнение завещания военный министр Мливое Блазнавац всего через два дня объявил сербским князем 14-летнего Милана Обреновича и привел к присяге размещенные в столице войска. С этого момента началась долгая дипломатическая игра, в которой у каждой державы были свои цели [1, с. 440].

Австро-Венгрия поддержала кандидатуру Милана Обреновича и рекомендовала ее всем государствам-гарантам. Более того, венский двор «настойчиво рекомендовал» Порте не вмешиваться во внутренние дела Сербии [2, с. 57]. Причин для такой позиции Австро-Венгрии был несколько. Во-первых, венское правительство опасалось обострения на Балканах, которое могло привести к восстанию в Османской империи и как следствие войне, что в свою очередь могло значительно ухудшить международное положение габсбургской монархии. В то же время тот факт, что до совершеннолетия Милана Обреновича должен был править регентский совет до известной степени гарантировал, миролюбивую сербскую внешнюю политику. Во-вторых, сам факт наличия регентского совета позволял Австро-Венгрии упрочить свое влияние в регионе и провести в правительство своих сторонников. В-третьих, М. Блазнавац, ставший после смерти князя де-факто главой правительства, был сторонником союза с Австро-Венгрией. Все это в глазах Австро-Венгрии делало Милана Обреновича оптимальной кандидатурой на пост князя.

Россия, в отличие от Австро-Венгрии, не имела единой кандидатуры на сербский престол. В разное время она предлагала то Александра Карагеоргиевича, то черногорского князя Николу, то сербского купца и благотворителя М. Анастасиевича [3, с. 57; 4, с. 109–110]. Путем смены правящей династии российское правительство надеялось упрочить свое влияние в Сербии, которое после Крымской войны было минимальным. Более всего реализации этой цели соответствовала кандидатура черногорского князя Николы, настроенного традиционно пророссийски. К тому же избрание такого амбициозного правителя и объединение Сербии и Черногории под вла-

стью одного князя давала российской дипломатии надежду на восстановление балканского союза, и как следствие, войну на Балканах, через участие в которой Россия еще более могла укрепить свое влияние. Однако недостаток политического влияния и отсутствие поддержки внутри Сербии не позволил российской дипломатии реализовать свои планы.

В начале июля в Белграде состоялась скупщина, на которой были подтверждены полномочия Милана Обреновича. Османской империи, которая долгое время затягивала принятие решения вопроса о должности князя, ничего не оставалось делать, как признать Милана Обреновича и подтвердить решение скупщины. На практике это значило закрепление принципов наследственной монархии и отказ Порты от своего права вмешиваться во внутренние дела Сербии.

Одновременно с подтверждением скупщиной права Милана Обреновича на сербский престол встал вопрос о выборе регентского совета при несовершеннолетнем князе. В условиях, когда крупнейшие европейские государства не только гарантировали автономный статус княжества, но и во многом контролировали изменения его государственного устройства, выбор регентов был не столько внутривнутриполитическим, сколько внешнеполитическим шагом. После событий, последовавших за убийством князя, должность регента еще до скупщины де-факто занял М. Блазнавац. Таким образом, на скупщине реально рассматривался вопрос лишь об избрании двух других консулов. Австро-венгерский консул Б. Калаи в частных беседах с М. Блазнавцем убеждал его в том, что для Сербии является важным создание сильных государственных институтов, что позволило бы уменьшить влияние европейских держав на внутренние дела княжества. Поэтому Б. Калаи предлагал вторым регентом избрать сербского представителя в Константинополе Й. Ристича. Учитывая его либеральные политические взгляды и проевропейскую ориентацию, избрание Й. Ристича также значительно укрепляло позиции Австрии в Сербии. Третьим регентом, в качестве компромиссной фигуры и некоторой уступки России, предлагалось избрать Й. Гавриловича – человека пророссийской ориентации, но малопопулярного и неактивного, чтобы оказывать значительное влияние на политику [3, с. 82].

Российский консул Н. П. Шишкин, не имея прямого влияния на сербские власти, вел пропаганду сербских элит и депутатов скупщины. Он выступал за избрание регентами И. Гарашанина и Й. Мариновича. Оба выступали за проведение Сербией активной внешней политики на Балканах и в перспективе войну с Османской империей [4, с. 113]. Эти действия неизбежно должны были усилить позиции России в регионе. Стремясь не допустить этого, с подачи М. Блазнавца и Б. Калаи стали распространяться слухи о том, что Й. Маринович не только знал о готовящемся заговоре против князя Михаила, но и принял в нем некоторое участие, что бросало тень не

только на него, но и на Россию. Распространения таких слухов оказалось вполне достаточно для того, чтобы кандидатура Й. Мариновича даже не рассматривалась скупщиной, а кандидатура И. Гарашанина не получила поддержки [3, с. 42].

Таким образом, Австро-Венгрия выступала за усиление позиций князя во взаимоотношениях с Портой и, как следствие, усиление позиций сербского государства. Россия, в отличие от империи Габсбургов, выступала за максимально возможное ослабление князя, но не путем передачи его полномочий представительным органам власти, а путем хаотизации политической жизни княжества. Разница в подходах объясняется тем, что Австро-Венгрия, и без того имевшая преимущественное влияние в Сербии и на Балканах не нуждалась в том, чтобы его каким-то образом значительно увеличить. Россия же, наоборот, после убийства князя Михаила утратила остатки своего политического влияния, несколько возросшего после Крымской войны. Именно поэтому Россия стремилась привести к власти пророссийски настроенных политиков.

Практически сразу после скупщины и избрания на ней регентского совета встал вопрос о проведении реформ. Главным идеологом этих реформ был один из членов регентского совета Й. Ристич, являвшийся сторонником идей либерализма и не единожды заявлявший о том, что реформы в Сербии следует проводить в духе «европейских идей». Центральное место в реформах Й. Ристича занимал вопрос разработки и принятия новой конституции.

Европейские государства по-разному относились к принятию новой конституции. Франция и Великобритания не имели определенного мнения по этому вопросу и потому не вмешивались в процесс ее разработки и принятия. В империи Габсбургов, после заключения австро-венгерского соглашения, были разделены не только полномочия министерств и ведомств, но и сферы влияния. Сербия оказалась в сфере влияния венгерской части империи, которая имела в княжестве весьма обширные экономические интересы. В свою очередь венгерские элиты были тесно связаны с Пруссией. Именно поэтому австро-венгерский и прусский консулы в Белграде действовали консолидированными усилиями, несмотря на то, что взаимоотношения между их правительствами зачастую были весьма прохладными [5, с. 120]. Еще один блок союзников в Сербии составляли Россия и Италия. Россия выступала против усиления государственных институтов в княжестве, поскольку это значительно сужало возможности политического маневра. К тому же Россия выступала против превращения Сербии в «славянский Пьемонт» – ядро национально-освободительного движения на Балканах, поскольку это минимизировало ее влияние не только в Сербии, но и во всей Османской империи [6, с. 49]. Молодое Итальянское королевство также выступало против объединения южных славян вокруг Сербии, поскольку само претендовало на целый ряд югославянских земель, а Балканы в целом

рассматривало как рынок сбыта для собственных товаров. Таким образом, общность целей делали Италию и Россию последовательными союзниками по достижению своих целей в Белграде.

Разработка новой конституции началась в декабре 1868 г. в так называемом Свято-Никольском комитете. Уже сам факт начала обсуждения новой конституции вызвал различную реакцию великих держав. Если австро-венгерский представитель в целом приветствовал разработку новой конституции, то российский консул через своих сторонников наоборот, называл начало разработки конституции преждевременным и указывал на факт того, что принятие конституции во время регентства противоречит сербским законам.

Содержание конституции также вызвало ряд противоречий. Большинство споров и противоречий вызвал вопрос о месте в системе органов государственной власти Государственного совета (Сенат). Традиционно этот орган занимал центральное место в системе законодательной и исполнительной власти, что делало его точкой приложения политики великих держав. Однако ко времени разработки и принятия конституции большинство сторонников Австро-Венгрии находились в правительстве и регентском совете, что де-факто делало Государственный совет органом, в котором российская внешняя политика имела наибольшее влияние. Именно это и определяло отношение держав к этому органу власти: если Россия настаивала на расширение или как минимум сохранение его полномочий, то Австро-Венгрия, наоборот, выступала за его ликвидацию. Сербским властям, вынужденным лавировать между интересами России и Австрии, приходилось искать компромисс: Государственный совет был сохранен, но его полномочия были значительно сокращены [7, с. 101].

Еще одним важным аспектом конституции, вызвавшим многочисленные споры, был вопрос о формировании скупщины. Группа профессоров Белградской высшей школы выступила с инициативой всенародного избрания скупщины. Австро-венгерский консул Б. Калаи выступил резко против этого, справедливо полагая, что большинство населения настроено пророссийски и избранная всенародно скупщина вполне может диаметрально изменить внешнеполитическую ориентацию Сербского княжества [8, с. 159]. Н. П. Шишкин прямо не выступал за всенародно избранную скупщину, но после принятия решения о том, что выборы будут проходить на основе имущественного ценза, он направил сербскому правительству ноту, в которой требовал «не бороться с естественными симпатиями сербского народа» [3, с. 129].

Закономерным следствием разности позиций великих держав стали противоречия по вопросу утверждения конституции. Предыдущая сербская конституция была октроирована султаном в 1838 г., поэтому часть сербской элиты, ориентированная на Россию и поддерживаемая российским консулом, полагала, что и новая конституция должна утверждаться султаном [6,

с. 102]. Вместе с тем другая часть сербской элиты полагала, что конституция 1838 г. была принципиально изменена законами 1859–1861 гг., которые не были подтверждены ни Портой, ни государствами-гарантами, и потому новая конституция не нуждается в дополнительном утверждении со стороны Порты. Эту же позицию поддерживала и Австро-Венгрия. Под давлением венского правительства Порты приняла решение не вмешиваться в процесс принятия конституции [9, с. 302].

В целом новая конституция закрепила сложившуюся расстановку сил в княжестве. Фактически Австро-Венгрия в вопросе новой сербской конституции не шла дальше закрепления своего положения, тогда как Россия стремилась всеми способами сохранить и нарастить свое влияние в регионе. Для реализации этой цели российская дипломатия готова была пойти на усиление Османской империи и ее вмешательство во внутренние дела Сербии, верно полагая что такое вмешательство породит конфликты между Белградом и Константинополем. При разрешении которых Россия сможет выступать посредником и тем самым усилить свое влияние на Балканах.

Важным вопросом сербско-российских и сербско-австрийских взаимоотношений был боснийский вопрос. Еще с середины 60-х гг. XIX в. князь Михаил выдвинул идею передачи Боснии и Герцеговины под контроль Сербии, взамен Сербия должна была выплачивать Порте дополнительный налог [10, с. 265].

Австро-венгерская позиция по данному вопросу не была однородной. Так называемая «австрийская» партия, представленная в основном австрийским генералитетом, выступавшим за расширение территории империи, настаивала на присоединении Боснии и Герцеговины к империи Габсбургов. Венгерские либералы и буржуазия выступали за передачу Боснии и Герцеговины Сербии по причине того, что присоединение еще одной славянской провинции к империи Габсбургов создавало угрозу владычеству Венгрии в Хорватии. При этом «венгерская» партия, возглавляемая Д. Андраши, настаивала на исключительно мирной передаче Боснии и Герцеговины [5, с. 180]. Австро-венгерская позиция стала более консолидированной после того, как в 1871 г. лидер «венгерской» партии премьер-министр Венгрии Д. Андраши занял пост министра иностранных дел. Возглавив австро-венгерскую дипломатию, он пошел на уступки и согласился на оккупацию Боснии и Герцеговины, но вплоть до 1878 г. боснийская политика Австро-Венгрии отличалась двойственностью целей [11, р. 99].

Политика России в боснийском вопросе была более однозначной. Россия, руководствуясь принципом невмешательства во внутренние дела Османской империи, отрицательно относилась как к планам Австрии, так и к планам Сербии по присоединению Боснии. Когда осенью 1869 г. сербское правительство пожелало узнать отношение России к их переговорам с Д. Андраши о передаче Боснии, в здании на Певческом мосту ответили,

что для Сербии это будет крайне нежелательно, поскольку свяжет Сербию и Порту дополнительными обязательствами. [12, с. 136–138; 13, с. 137]. Более того, сами регенты считали маловероятным, что в Стамбуле добровольно согласятся передать Сербии Боснию и связывали возможную передачу лишь с всеобщим антитурецким восстанием на Балканах. В частных беседах с регентами российский консул не только не подтверждал этот тезис, но и указывал на то, что полная независимость Сербии возможна только в ходе большой войны, в которой Порты потерпит поражение и нанести ей это поражение может только Россия [3, с. 260].

Активное соперничество за влияние между Россией и Австро-Венгрией в Сербии в целом завершилось после встречи Франца Иосифа и Александра II в Вене летом 1873 г. и заключением первой части из комплекса договоров составлявших «Союз трех императоров». Во второй половине 70-х гг. XIX в. Россия и Австро-Венгрия не только прекратили соперничество, но и согласовывали свою политику в отношении Сербии и в целом в Восточном вопросе.

Процесс постепенной суверенизации Сербского княжества в конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. инициировался и осуществлялся сербскими властями, но испытывал на себе значительное влияние политики европейских государств, в первую очередь, России и Австро-Венгрии. Несмотря на то, что обе державы в своей политике исходили из одинаковых целей: усиление своего влияния в Сербии, их методы были принципиально различны. Австро-Венгрия, имевшая больший экономический потенциал, могла рассчитывать на усиление своего политического влияния через экономическое, поэтому Габсбургская монархия выступала за укрепление политических институтов, способствовавших устойчивому развитию княжества. В свою очередь Россия, не имевшая в Сербии и на Балканах значительного экономического влияния, не могла рассчитывать на его конвертацию в политическое влияние. Тем самым она вынуждена была приобретать его за счет разного рода политических акций и мероприятий дестабилизировавших политическую обстановку в регионе. Таким образом, австро-венгерская политика явилась стабилизирующим фактором в развитии сербской государственности, но при этом она не предусматривала создание полностью независимого сербского княжества. Однако укрепление государственных институтов и недопущение вмешательства Порты во внутренние дела Сербии, такие как избрание князя и принятие конституции де-факто, приводили к созданию независимого Сербского княжества, связанного с Османской империей лишь выплатой дани. В то же время Россия дестабилизировала политическую обстановку внутри княжества, что неизбежно приводило к усилению позиций Порты в княжестве. При этом лишь Россия рассматривала возможность создания полностью независимого сербского государства.

Список использованных источников

1. *Јовановић, С.* Друга влада Милоша и Михаила / С. Јовановић. – Београд: Издавачка књижица Геца Кона, 1933. – 502 с.
2. *Bridge, F. R.* From Sadowa to Sarajevo: the foreign policy of Austria-Hungary, 1866–1914 / F. R. Bridge. – London: Routledge and K. Paul.– 1972. – 480 p.
3. Дневник Бењамина Калаја, 1868-1875 / приред. А. Раденић. – Београд: Службени гласник, 2002. – 887 с.
4. *Груић, Ј.* Записи Јеврема Грујића. Књига 3: Друга влада Обреновића и турски ратови / Ј. Груић. – Београд: Скерлић, 1923. – 377 с.
5. *Медяков, А. С.* Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871) / А. С. Медяков. – М.: Русское слово, 2010. – 638 с.
6. *Рајић, С.* «Спољна политика Србије» између очекивања и реалности 1868–1878 / С. Рајић. – Београд: Српска књижевна задруга, 2015. – 562 с.
7. Устав за Књажество Србију од 29 јуна 1869 године // Устави Кнежевине и Краљевине Србије 1835–903 / приредио Д. Јевтић. – Београд: Научна књига, 1988. – С. 91–124.
8. *Медяков, А. С.* Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) / А. С. Медяков // Центральная Европа в новое и новейшее время: отв. ред. А.С. Стыкалин. – М.: И-нт славяноведения, 1998. – С. 152–174.
9. Дипломатско представништво Србије у Цариграду. Том II: 1859–1878: зб. докумената приредио М. Перишић. – Београд: Архив Србије, 2015. – 593 с.
10. *Медяков, А. С.* Проблема Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1867–1871 гг. / А. С. Медяков // Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В. И. Фрейдзона / отв. ред. С. А. Романенко. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 264–279.
11. *Decsy, J.* Prime Minister Gyula Andrassy's influence on Habsburg foreign policy: during the Franco-German War of 1870–1871 / J. Decsy. – N. Y.: East Europ. quart., 1979. – 177 p.
12. Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия: сб. документов / сост. Д. Ф. Поплыко [и др.]. – М.: Наука, 1985. – 495 с.
13. *Хевролина, В. М.* Босния и Герцеговина в Балканской политике России (1865–1874 гг.) / В. М. Хевролина // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия: сб. научн. ст. редкол.: Ю. А. Писарев [и др.]. – М.: И-нт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – С. 129–141.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)